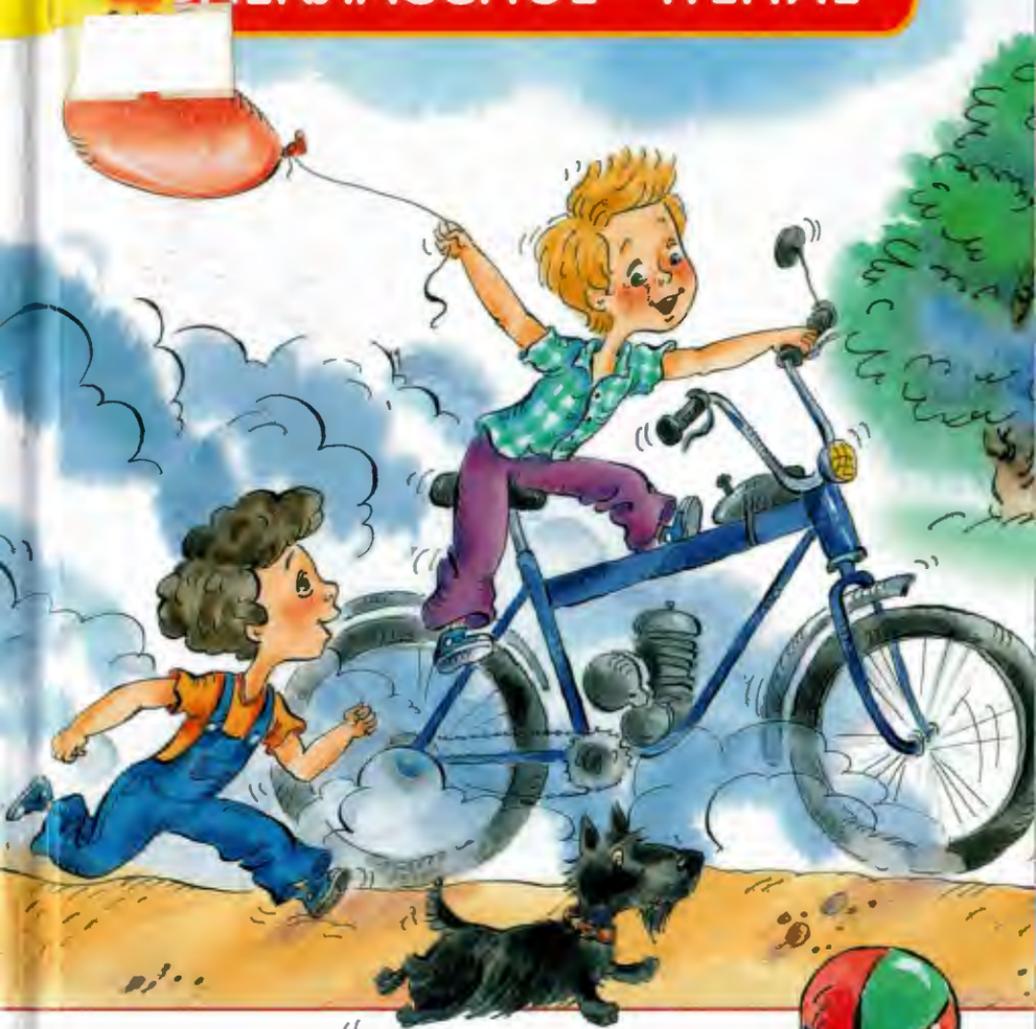

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

В. Ю. Драгунский

**ДЕНИСКИНЫ
РАССКАЗЫ**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

В. Ю. Драгунский

ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ

Художник А. Халилова

МОСКВА
РОСМЭН
2020

84(2Poc = Pyc)6

Твой друг Дениска

В жизни всякое случается: кому-то на голову падает горячая манная каша из окна, кто-то ненароком похищает собак. Даже отважным капитанам дальнего плавания иной раз достаётся — причём не в бушующем море, а на суше. А уж в школе вообще столько интересного: карнавалы, соревнования, походы в кино, да и на уроках скучать не приходится! Не веришь? Спроси у Дениса Кораблёва — он тебе с радостью всё расскажет. Вот прямо сейчас, в этой самой книжке, которую написал замечательный писатель Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972).

Он, кстати, тоже знал наверняка, что в жизни бывает всякое. Ведь у него самого биография удивительная. Вот, например, родился он в Нью-Йорке, а рос в белорусском городе Гомеле и ещё в детстве ездил на гастроли по всей стране. Ну, то есть гастролировал не он сам, а его отчим-актёр, но Виктор с мамой его сопровождал, а иногда даже и сам выступал как конферансье! Ему ужасно нравилось выступать, всех смешить и радовать.

Неудивительно, что когда он подросток, то выучился на актёра, играл в спектаклях и даже организовал свой собственный «театр в театре». Он сам писал пьесы и вместе с другими молодыми актёрами ставил необычные спектакли. А ещё он сочинял песни, стихи и сценарии представлений и одно время даже работал клоуном в цирке! Потом Драгунский женился, и у него родился сын Денис. Пока Денис рос, чего только с ним не происходило! И однажды Виктор Драгунский взялся писать рассказы о Денисе Кораблёве и его друге Мишке Слонове. Так появились знаменитые «Денискины рассказы». С тех пор прошло больше пятидесяти лет. Денис Драгунский давно вырос и сам стал журналистом и писателем, а Дениска из рассказов остался таким же забавным мальчишкой.

Так кто же такой этот Денис Кораблёв? Денис Драгунский? Очень может быть. Или сам Виктор Драгунский? Отчасти. Почему бы нет? Но ещё — только тсс! — это немножечко ты сам. Да-да, вы с ним кое в чём, конечно, похожи, как всегда бывают похожи настоящие друзья. Ну что? Не будем откладывать знакомство. Пора подружиться с Дениской!

«Он живой и светится...»

Однажды вечером я сидел во дворе, возле песка, и ждал маму. Она, наверно, задерживалась в институте, или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверно, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака — они были похожи на бородатых стариков...

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что, если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

— Здорóво!

И я сказал:

— Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее.

Я смотрел на ворота, чтобы не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну, хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну, была не была! Знай мою доброту!

На!

И он протянул мне коробочку от спичек.

Я взял её в руки.

— Ты открой её, — сказал Мишка, — тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-

далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка, — сказал я шёпотом, — что это такое?

— Это светлячок, — сказал Мишка. — Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка, — сказал я, — бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как стучит моё сердце, и чуть-чуть колело в носу, как будто хотелось плакать. И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой. А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

— На светлячка! Вот он, в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

— Да, — сказала она, — это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

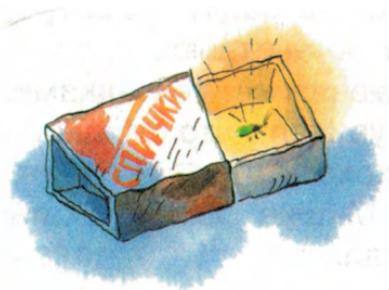
— Я так долго ждал тебя, — сказал я, — и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

— А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

— Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

Надо иметь чувство юмора

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуру, что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авто-ручку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка говорит:

— Написал?

Я говорю:

— Уже.

— Ты мою тетрадку проверь, — говорит Мишка, — а я — твою.

И мы поменялись тетрадками.

И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать.

Гляжу, а Мишка тоже покатывается, прямо синий стал.

Я говорю:

— Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

— Я покатываюсь, что ты неправильно списал! А ты чего?

Я говорю:

— А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие — «мозы»?

Мишка покраснел:

— Мозы — это, наверно, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

— Да, — сказал я, — не «натала», а «настала». Ничего не попишешь, придётся переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписали, я сказал:

— Давай задачи задавать!

— Давай, — сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

— Здравствуйте, товарищи студенты...

И сел к столу.

Я сказал:

— Вот, папа, послушай, какую я Мишке задам задачу: вот у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надулся, но тоже задумался. Они думали долго.

Я тогда сказал:

— Сдаёшься, Мишка?

Мишка сказал:

— Сдаюсь!

Я сказал:

— Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот. — И стал хохотать. — Это меня тётя Мила научила!..

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

— А раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

— Давай задавай, — сказал я.

Папа походил по комнате.

— Ну слушай, — сказал папа. — Один мальчишка учится в первом классе «В». Его семья состоит из пяти человек. Мама встаёт в семь часов и тратит на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама.

Когда они все вместе, они начинают будить этого мальчишку из первого класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин.

Когда мальчишка из первого класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько потягивается плюс умывается минус мамино вставание, умноженное на папины зубы.

Спрашивается: кто же этот мальчишка из первого «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал

во всё горло и стал тоже смотреть на меня. Они оба на меня смотрели и хохотали.

Я сказал:

— Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что я сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор и залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», — и пойду дальше покорять.

А он скажет:

«Тебе привет от мамы...»

А я скажу:

«Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет:

«Ничего».

А я скажу:

«Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет:

«Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

— Ах ты, вот он где! Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял эту задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил на место и сказал дальше:

— Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки.

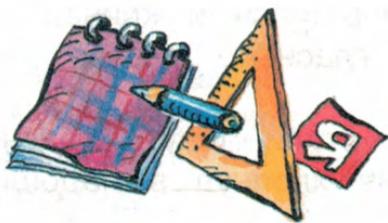
Потом ещё раз поглядел на меня пристально и улыбнулся.

— Надо иметь чувство юмора, — сказал он мне, и глаза у него стали весёлые-весёлые. — А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!

И я засмеялся.

И он тоже.

И мы пошли в комнату.

Слава Ивана Козловского

У меня в таблице одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают. Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла». Вышло очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займёмся с каждым инди-виду-ально.

Это значит с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишку.

Мишка подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.

Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Мишка тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пищал Мишка! Так пищит наш котёнок Мурзик. Разве ж так поют! Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мишке пятёрку и поглядел на меня. Он сказал:

546410 — Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро подбежал к роялю.

546410 — Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.

Я сказал:

— Песня Гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил.

— Играйте, пожалуйста, погромче! — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как запою:

Высоко в небе ясном
Вьётся алый стяг...

Мне очень нравится эта песня.

Так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,
Где виден враг!
И в битве упоительной...

Я хорошо пел, наверное, даже было слышно на другой улице:

Лавиною стремительной!
Мы мчимся вперёд!.. Ура!..
Красные всегда побеждают!
Отступайте, враги! Даёшь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

Мы врезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно! — похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая, — сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, что вы очень тихо играли, Борис Сергеевич, — сказал я, — можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту, — сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому!

— Нет, — сказал я, — я этого не заметил! Да это и не важно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

Как — тройку? Я даже опешил. Как же это может быть? Тройку — это очень мало! Мишка тихо пел и то получил пятёрку... Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню. Когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же? — спросил Борис Сергеевич.

— Жалостливая, — сказал я и завёл:

Я вас любил...

Любовь ещё, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну, — сказал он, улыбаясь, — возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым, я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или какой-нибудь боксёр, но в одном могу заверить вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела и сказала:

— Ну, это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал: «Неужели Козловский поёт громче меня?»

Кот в сапогах

— Мальчики и девочки! — сказала Раиса Ивановна. — Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. — И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

— Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вёл себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шёл снег, и всё время я думал, когда же

мама вернётся. Я зачёркивал клеточки на своём календаре.

И вдруг неожиданно прибегают Мишка и прямо с порога кричит:

— Идёшь ты или нет?

Я спрашиваю:

— Куда?

Мишка кричит:

— Как — куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

— У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

— Давай сами чего-нибудь придумаем! Нука, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

— Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы — это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь — первое дело бахилы. Нипочём ноги не промочишь.

Мишка говорит:

— А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне

чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось.

Он говорит:

— А шапку какую?

Я говорю:

— Может быть, мамину, соломенную, что от солнца?

— Давай её скорей!

Достал я шляпу, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но всё-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

— Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

— Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

— Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

— Сказал тоже! «Старый рыбак»!.. А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

— Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я — Кот в сапогах! Только жалко, хвоста нет! Я спрашиваю:

— Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

— Разве я очень похожа на чёрта?

— Нет, не очень, — говорю я. — Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

— Одну минуточку...

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с чёрными пятнами.

— Вот, — говорит, — это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдёт.

Я сказал «большое спасибо» и понёс хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

— Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколёт меня!

Я закричал:

— Потише ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьёшь прямо по живому? Ведь колешь же!

— Это я немножко не рассчитал!

И опять как кольнёт!

— Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

— Я в первый раз в жизни шью!

И опять — коль!..

Я прямо заорал:

— Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

— Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны — длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И ещё было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но всё время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

— Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошёл на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошёл со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Конечно, гномов много, а ты один!

— Да, — сказал я, — но все гномы были так себе, а ты был очень смешной, и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

— Не надо, что ты!

Я спросил:

— Ты какую хочешь?

— «Дядю Стёпу».

И я дал ему «Дядю Стёпу».

А дома я скинул свои огромные бахилы, и побежал к календарю, и зачеркнул сегодняшнюю клеточку. А потом зачеркнул уж и завтрашнюю.

Посмотрел — а до маминого приезда осталось три дня!

Сражение у Чистой речки

У всех мальчишек 1-го класса «В» были пистолеты. Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень понравилось, но так было недолго. А всё из-за кино...

Однажды Раиса Ивановна сказала:

— Завтра, ребята, воскресенье. И у нас с вами будет праздник. Завтра наш класс, и первый «А», и первый «Б», все три класса вместе, пойдут в кинотеатр «Художественный» смотреть кинокартину «Алые звёзды». Это очень интересная картина о борьбе за наше правое дело... Приносите завтра с собой по десять копеек. Сбор возле школы в десять часов!

Я вечером всё это рассказал маме, и мама положила мне в левый карман десять копеек на билет и в правый несколько монеток на воду с сиропом. И она отгладила мне чистый воротничок. Я рано лёг спать, чтобы поскорее наступило завтра, а когда проснулся, мама ещё спала. Тогда

я стал одеваться. Мама открыла глаза и сказала:

— Спи, ещё ночь!

А какая ночь — светло, как днём!

Я сказал:

— Как бы не опоздать!

Но мама прошептала:

— Шесть часов. Не буди ты отца, спи, пожалуйста!

Я снова лёг и лежал долго-долго, уже птички запели, и дворники стали подметать, и за окном загудела машина. Уж теперь-то наверняка нужно было вставать. И я снова стал одеваться. Мама зашевелилась и подняла голову:

— Ну чего ты, беспокойная душа?

Я сказал:

— Опоздаем ведь! Который час?

— Пять минут седьмого, — сказала мама, — ты спи, не беспокойся, я тебя разбужу, когда надо.

И верно, она потом меня разбудила, и я оделся, умылся, поел и пошёл к школе. Мы с Мишей стали в пару, и скоро все с Раисой Ивановной впереди и с Еленой Степановной позади пошли в кино.

Там наш класс занял лучшие места в первом ряду, потом в зале стало темнеть и началась картина. И мы увидели, как в широкой степи, недалеко от леса, сидели красные солдаты, как они пели песни и танцевали под гармонь. Один солдат

спал на солнышке, и недалеко от него паслись красивые кони, они щипали своими мягкими губами траву, ромашки и колокольчики. И веял лёгкий ветерок, и бежала чистая речка, а бородатый солдат у маленького костерка рассказывал сказку про Жар-птицу.

И в это время, откуда ни возьмись, появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было гораздо больше...

И красный пулемётчик стал отстреливаться, но он увидел, что у него очень мало патронов, и заскрипел зубами, и заплакал.

Тут все наши ребята страшно зашумели, затопали и засвистели, кто в два пальца, а кто просто так. А у меня прямо защемило сердце, я не выдержал, выхватил свой пистолет и закричал что было сил:

— Первый класс «В»! Огонь!!!

И мы стали палить изо всех пистолетов сразу. Мы хотели во что бы то ни стало помочь красным. Я всё время палил в одного толстого фашиста, он всё бежал впереди, весь в чёрных крестах и разных эполетах; я истратил на него, наверно, сто пистонов, но он даже не посмотрел в мою сторону.

А пальба кругом стояла невыносимая. Валька бил с локтя, Андрюшка короткими очередями, а Мишка, наверно, был снайпером,

потому что после каждого выстрела он кричал:

— Готов!

Но белые всё-таки не обращали на нас внимания, а всё лезли вперёд. Тогда я оглянулся и крикнул:

— На помощь! Выручайте же своих!

И все ребята из «А» и «Б» достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой.

А в зале творилась страшная суета. Раиса Ивановна и Елена Степановна бегали по рядам, кричали:

— Перестаньте безобразничать! Прекратите!

А за ними бежали седенькие контролёры и всё время спотыкались... И тут Елена Степановна случайно взмахнула рукой и задела за локоть гражданку, которая сидела на приставном стуле. А у гражданки в руке было эскимо.

Оно взлетело, как пропеллер, и шлёпнулось на лысину одного дяденьки. Тот вскочил и закричал тонким голосом:

— Успокойте ваш сумасшедший дом!!!

Но мы продолжали палить вовсю, потому что красный пулемётчик уже почти замолчал, он был ранен, и красная кровь текла по его бледному лицу... И у нас тоже почти кончились пистоны, и неизвестно, что было бы дальше, но в это время из-за леса выскочили красные кавалеристы, и у них в руках сверкали шашки, и они врезались в самую гущу врагов!

И те побежали куда глаза глядят, за тридевять земель, а красные кричали «Ура!». И мы тоже все, как один, кричали «Ура!».

И когда белых не стало видно, я крикнул:
— Прекратить огонь!

И все перестали стрелять, и на экране заиграла музыка, и один парень уселся за стол и стал есть гречневую кашу.

И тут я понял, что очень устал и тоже хочу есть.

Потом картина кончилась очень хорошо, и мы разошлись по домам.

А в понедельник, когда мы пришли в школу, нас, всех мальчишек, кто был в кино, собрали в большом зале.

Там стоял стол. За столом сидел Фёдор Николаевич, наш директор. Он встал и сказал:

— Сдавай оружие!

И мы все по очереди подходили к столу и сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом.

Фёдор Николаевич сказал:

— Мы сегодня утром советовались, что с вами делать. Были разные предложения... Но я объявляю вам всем устный выговор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий! Кроме того, у вас, наверно, будут снижены отметки за поведение. А теперь идите — учитесь хорошо!

И мы пошли учиться. Но я сидел и плохо учился. Я всё думал, что выговор — это очень скверно и что мама, наверно, будет сердиться...

Но на переменке Мишка Слонов сказал:

— А всё-таки хорошо, что мы помогли красным продержаться до прихода своих!

И я сказал:

— Конечно!!! Хоть это и кино, а может быть, без нас они и не продержались бы!

— Кто знает...

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом: «Го-о-тов!»

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником

вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаюсь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе, как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то!

А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развить в себе силу удара. И я так нагяделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей десять или пятнадцать.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлапкой, обрывок

паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля.

И вдруг мама достала со дна корзинки здорового плюшевого мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:
— Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь, как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил мишку удобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — жёлтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей

или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спал с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чём, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

— Легче! Давай заноси! Правая! Левая! Становь её на попа! Легче, а то весь шпич обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактивировать, — и ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

— Пять лет девчонке, а говорит «сыски»...

Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

— Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

— Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха!

Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она — «сыски».

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

— Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово — хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,
Боюсь уколося я.

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

— Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

— Именно, что нѐ надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» — «Хыхки!» — «Сыски!»

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

— Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Мотогонки по отвесной стене

Ещё когда я был маленький, мне подарили трёхколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, ни сколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту.

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например, я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой — хочешь правой, хочешь левой; ездил боком, растопыря ноги; ездил, сидя на руле, а то зажмурясь и без рук; ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому.

А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двух-

колёсным, и я опять очень быстро всё заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпионом мира и его окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нём сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл — это другое дело, автомобиль — тоже, ракета — ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

— Ну? Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет, понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу — чай пить.

Я спрашиваю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле, — говорит Мишка. — Она заводится с пол-оборота. Один раз нажмёшь на педаль, и готово — можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость двадцать километров за полчаса.

— Ого! Вот это да! — говорю я. — Вот это машина! На такой покататься бы!

Тут Мишка покачал головой:

— Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

— Да. Опасно, — говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

— Во дворе никого нет, а ты всё-таки «чемпион мира». Садись! Я помогу разо-

гнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьёт. По три стакана дует. Давай!

— Давай! — сказал я.

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам! На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — и прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел, в парке культуры так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали немножко колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:

— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох, что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:

— Тормоз! Тормоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку. Машина трещит себе как ни в чём не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

Я кричу:

— Мишка, а где этот тормоз?

А он:

— Я забыл!

А я:

— Ты вспомни!

— Ладно, вспомню, ты пока покрутись ещё немножко!

— Ты скорее вспоминай, Мишка! — опять кричу я.

И проехал дальше, и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошнит как-то. А на следующем кругу Мишка снова кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

— Меня тошнит!

Если бы я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрац, на котором спят! Чтоб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу:

— На раскладушке!

А Мишка:

— Тогда ездй, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин не кончится»... Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

— Он чай пьёт! — кричит Мишка.

— Потом допьёт! — ору я.

А он недослышал и соглашается со мной:

— Убьёт! Обязательно убьёт!

И опять всё завертелось передо мной: столбик, ворота, скамеечка, качели, домо-

управление. Потом наоборот: домоуправление, качели, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, грибеечка... И я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

Третье место в стиле бафтерфляй

Когда я шёл домой - из бассейна, у меня было очень хорошее настроение. Мне нравились все троллейбусы, что они такие прозрачные и всех видать, кто в них едет, и мороженщицы нравились, что они весёлые, и нравилось, что не жарко на улице и ветерок холодит мою мокрую голову. Но особенно мне нравилось, что я занял третье место в стиле бафтерфляй и что я сейчас расскажу об этом папе, — он давно хотел, чтобы я научился плавать. Он говорит, что все люди должны уметь плавать, а мальчишки особенно, потому что они мужчины. А какой же это мужчина, если он может потонуть во время кораблекрушения или просто так, на Чистых прудах, когда лодка перевернётся?

И вот я сегодня занял третье место и сейчас скажу об этом папе. Я очень торопился домой, и, когда вошёл в комнату, мама сразу спросила:

— Ты что так сияешь?

Я сказал:

— А у нас сегодня было соревнование.

Папа сказал:

— Это какое же?

— Заплыв на двадцать пять метров в стиле баттерфляй...

Папа сказал:

— Ну и как?

— Третье место! — сказал я.

Папа прямо весь расцвёл.

— Ну да? — сказал он. — Вот здорово! — Он отложил в сторону газету. — Молодчина!

Я так и знал, что он обрадуется. У меня ещё лучше настроение стало.

— А кто же первое занял? — спросил папа.

Я ответил:

— Первое место, папа, занял Вовка, он уже давно умеет плавать. Ему это не трудно было...

— Ай да Вовка! — сказал папа. — Так, а кто же занял второе место?

— А второе, — сказал я, — занял рыженький один мальчишка, не знаю, как зовут. На лягушонка похож, особенно в воде...

— А ты, значит, вышел на третье? — Папа улыбнулся, и мне это было очень приятно. — Ну что ж, — сказал он, — всё-таки что ни говори, а третье место тоже призовое, бронзовая медаль! Ну а кто же на четвёртом остался? Не помнишь? Кто занял четвёртое?

Я сказал:

— Четвёртое место никто не занял, папа!

Он очень удивился:

— Это как же?

Я сказал:

— Мы все третье место заняли: и я, и Мишка, и Толька, и Кимка, все-все. Вовка — первое, рыжий лягушонок — второе, а мы, остальные восемнадцать человек, мы заняли третье. Так инструктор сказал!

Папа сказал:

— Ах вот оно что... Всё понятно!..

И он снова уткнулся в газеты.

А у меня почему-то совсем пропало хорошее настроение.

Англичанин Павля

— **З**автра первое сентября, — сказала мама. — И вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нему соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

— Привет! — сказал он и сел.

И мы начали есть, и долго ели, и молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища! И когда Павле дали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Правда, — сказал папа. — Вот поэтому мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы все опять занялись делом, и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования.

Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки!

Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа. — Уважаю!

Павля прямо засиял.

— К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Ещё бы не трудный, — вмешался папа. — Там у них сам чёрт ногу сломит.

Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля. — Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама. — Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрате»?

— Я «здрате» ещё не проходил, — сказал Павля.

— Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал «спасибо»?

— Я сказал, — сказал Павля.

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до «спасибо» ещё не дошли, — сказал Павля. — Очень трудное прописание.

Тогда я сказал:

— Павля, а научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

— Я этого ещё не изучил, — сказал Павля.

— А что же ты изучил? — закричал я. — За два месяца ты всё-таки хоть что-нибудь-то изучил?

— Я изучил, как по-английски «Петя», — сказал Павля.

— Ну, как?

— «Пит»! — торжествующе объявил Павля. — По-английски «Петя» будет «Пит». —

Он радостно засмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет! Верно, Денис?

— Верно, — сказал я. — Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

— Пока всё, — сказал Павля.

Двадцать лет под кроватью

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щёки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут ещё папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему.

Там было светло и тепло и собралось много народу, пришла Алёнка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Алёнка вдруг сказала:

— А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой всё время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Алёнке, — а сами всё время прятались и вообще водили малышей за нос.

Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро

нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы всё время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплёскиваться из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марь-Семёниной шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Тут все брызнули в разные стороны, кто куда, чтобы прятаться. А Костик немножко подождал и крикнул снова:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Алёнка — за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка недолго думая полез под шубу Марьи Семёновны, где я всё время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел

дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил моё место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

— Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в неё.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель разных фасонов, но все

довольно старые, а ещё стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей — очень ловко и уютно. Я рассматривал разные тапочки и шлёпанцы и всё время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдёт. Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдёт и будет меня искать. Но в это время в комнату вошёл никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на Бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я всё время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кро-

вати. А я ещё для смеху возьму какую-нибудь её туфлю в зубы, она тогда наверняка упадёт от смеха. Я был уверен, что вот ещё секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам всё время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я всё время поглядывал на Ефросинью Петровну.

А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула её. А потом, гляжу, повернула ключик — и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще. Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отперёт дверь, и всё пойдёт как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком

трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и всё продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел её ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрёт замок, но не тут-то было. Можете себе представить, она — чик! — и погасила свет. И я услышал, как опять завывли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придёт с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдёт? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдёт в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из её буфета,

и, когда она придёт, придётся мне лезть под кровать, потому что я съел её продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чём вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моём жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста — тах-тах из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

— Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите дальше, это я, Дениска!» Я всё это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да ещё с хвостиком:

— Апчхи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное, здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

— Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

— Апчихи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала ещё тише и слабей:

— Грабят!..

И видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

— Режут!

Вот какое враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она всё равно не спит, мне пора вылезать.

И всё подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

— Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашёл вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь.

Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалялся через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то забарабанил в настоящую дверь!

— Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!

И папин голос:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

— Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

— Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

Расскажите мне про Сингапур

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали. Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне. Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А тётя Мила сказала:

— Иди, Денёк, со мной рядом. — И спросила: — Это что за корзинка?

— Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции, и вышли на мягкую дорогу: по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошёл босиком, и было немного щекотно и колко ступням, так же как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком. И в это время дорога повернула к берегу, и в воздухе запахло рекой и ещё

чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тётя Мила сказала:

— Телячий восторг.

Когда мы пришли, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

— Дениска, — сказал он, — твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась.

— Потому что он живёт на Севере, — сказала она, — и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А кто он такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

— Капитан дальнего плавания — вот он кто такой.

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так — про самое главное вспоминает совершенно случайно!

Я сказал:

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть дядя, капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

— Вот здесь и ложись, — сказала тётя Мила. — Раздевайся! А корзинку с пистолетами я поставлю в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего, на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут, рядом. — И ушла.

А я улёгся на тахтюшке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плаванья.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая? Кривая или прямая? А кортик — именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они во время своих рейсов каждый день насканивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», — погубить жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания — он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: «Син-га-пур»!.. Я обязательно попрошу дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь

сплю, и это ей не понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак и теперь нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:

— Тубо! Спать!

И собака сразу замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь, как у меня в голове всё

закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня даже внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

— Тубо! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, подбредет и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил

оттуда котлету и два яйца — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

— Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлёпнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

— Ну вот. А теперь — спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне

было — так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули!

Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил... Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспит весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высокоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошёл к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

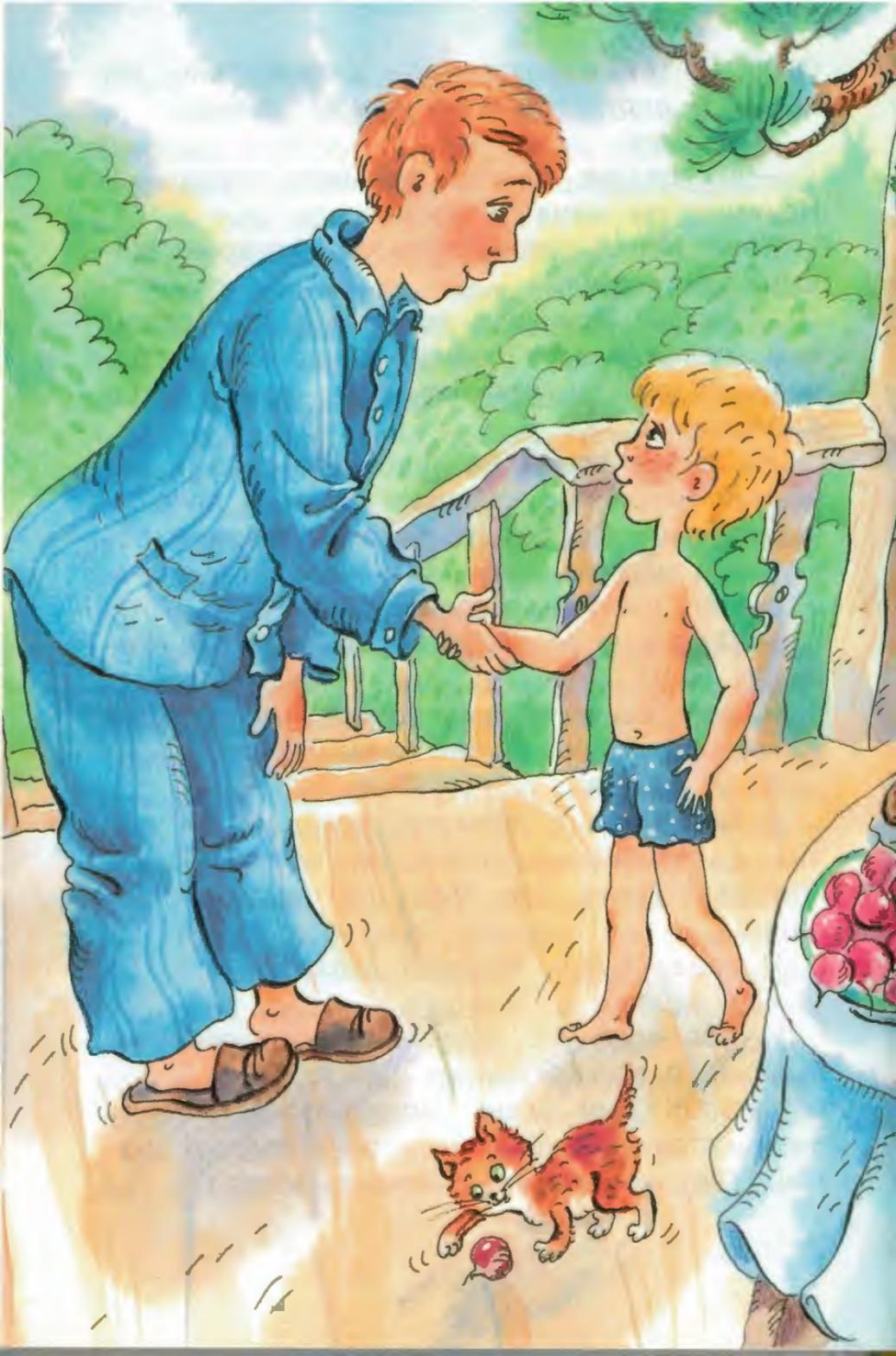
— Да, эти сто граммов веснушек — вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорóво!

И протянул мне руку. Я пожал её. Она была твёрдая, как доска.

Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижамы какая-то. Ну

а трубка где? Всё равно уж — прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой...

— Как спал, Харитоша? — спросила тётя Мила.

— Плохо! — сказал капитан. — Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в довершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты — яйца, что ли... По-моему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слышались какие-то непонятные слова: не то «куш», не то «апорт».

— «Тубо», — сказал я. — «Тубо», а не «апорт». Потому что я думал — там собака... Кто-то так рычал!

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах как будто песку насыпано, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сер-
жусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотре-
ть.

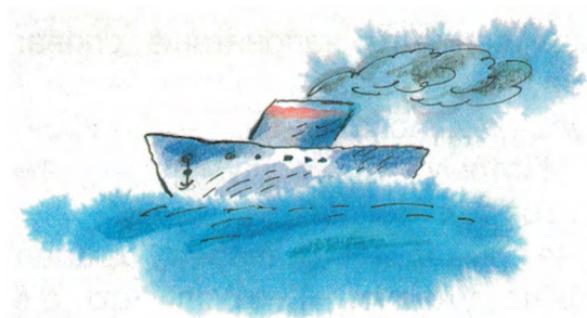
Тогда он сказал:

— Клянусь своим именовым кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошёл к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.

Тайное становится явным

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, — сказала мама. — Понял? Ложись-ка ты спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама. — Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё

там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол. В это время вошла

мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте! — и подошёл к окну, и поглядел вниз. — А ещё интеллигентный человек.

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно». — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

— Не клеветайте. Ничего я не выливаю!

— Ах, не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за ворот-

ником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться:

— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... Манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё фото... когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник. А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста, — сказала она тихо, — разрешите, я вам почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера правильно сказала. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

Профессор кислых щей

Мой папа не любит, когда я мешаю ему читать газеты. Но я про это всегда забываю, потому что мне очень хочется с ним поговорить. Ведь он же мой единственный отец! Мне всегда хочется с ним поговорить.

Вот он раз сидел и читал газету, а мама пришивала мне воротник к куртке. Я сказал:

— Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

Он сказал:

— Не мешай...

— Девяносто два! Здорово?

Он сказал:

— Здорово. Не мешай, ладно?

И снова стал читать.

Я сказал:

— Ты художника Эль Греко знаешь?

Он кивнул. Я сказал:

— Его настоящая фамилия Доменико Теотокопули! Потому что он грек с острова

Крит. Вот этого художника испанцы и прозвали Эль Греко!.. Интересные дела. Кит, например, папа, за пять километров слышит!

Папа сказал:

— Помолчи хоть немного... Хоть пять минут...

Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо выскакивали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было поменьше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой поделаться. Я сказал:

— Папа! Ты не знаешь самую главную новость: на Больших Зондских островах живут маленькие буйволы, они, папа, карликовые. Называются кентусы. Такого кентуса можно в чемодане привезти!

— Ну да? — сказал папа. — Просто чудеса! Дай спокойно почитать газету, ладно?

— Читай, читай, — сказал я, — читай, пожалуйста! Понимаешь, папа, выходит, что у нас в коридоре может пастись целое стадо таких буйволов!.. Ура?

— Ура, — сказал папа. — Замолчишь, нет?

— А солнце стоит не в центре неба, — сказал я, — а сбоку!

— Не может быть, — сказал папа.

— Даю слово, — сказал я, — оно стоит сбоку! Сбоку припёка.

Папа посмотрел на меня туманными глазами. Потом глаза у него прояснились, и он сказал маме:

— Где это он нахватался? Откуда? Когда? Мама улыбнулась:

— Он современный ребёнок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

— Удивительно, — сказал папа, — как это быстро всё получается.

И он снова укрылся за газетой, а мама его спросила:

— Чем это ты так зачитался?

— Африка, — сказал папа. — Кипит! Конец колониализму!

— Ещё не конец! — сказал я.

— Что? — спросил папа.

Я подлез к нему под газету и встал перед ним.

— Есть ещё зависимые страны, — сказал я. — Много ещё есть зависимых.

Он сказал:

— Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!

И он засмеялся, и мама вместе с ним. Она сказала:

— Ну ладно, Дениска, иди погуляй. — Она протянула мне куртку и подтолкнула меня: — Иди, иди!

Я пошёл и спросил у мамы в коридоре:

— А что такое, мама, профессор кислых щей? В первый раз слышу такое выражение! Это он меня в насмешку так назвал — кислых щей? Это обидное?

Но мама сказала:

— Что ты, это несколько не обидное. Разве папа может тебя обидеть? Это он, наоборот, тебя похвалил!

Я сразу успокоился, раз он меня похвалил, и пошёл гулять. А на лестнице я вспомнил, что мне надо проведать Алёнку, а то все говорят, что она заболела и ничего не ест. И я пошёл к Алёнке. У них сидел какой-то дяденька, в синем костюме и с белыми руками. Он сидел за столом и разговаривал с Алёнкиной мамой. А сама Алёнка лежала на диване и при-

клеивала лошади ногу. Когда Алёнка меня увидела, она сразу заорала:

— Дениска пришёл! Ого-го!

Я вежливо сказал:

— Здравствуйте! Чего орёшь, как дура?

И сел к ней на диван. А дяденька с белыми руками встал и сказал:

— Значит, всё ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!

И я сразу понял, что это доктор.

Алёнкина мама сказала:

— Большое спасибо, профессор! Большое спасибо, профессор!

И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он всё знал, и его называли за это «профессор».

Он подошёл к Алёнке и сказал:

— До свидания, Алёнка, выздоравливай.

Она покраснела, высунула язык, отвернулась к стенке и оттуда прошептала:

— До свидания...

Он погладил её по голове и повернулся ко мне:

— А вас как зовут, молодой человек?

Вот он какой был славный: на «вы» меня назвал!

— Я Денис Кораблёв! А вас как зовут?

Он взял мою руку своей белой большой и мягкой рукой. Я даже удивился, какая она мягкая. Ну прямо шёлковая. И от него от всего так вкусно пахло чистотой. И он потряс мне руку и сказал:

— А меня зовут Василий Васильевич Сергеев. Профессор.

Я сказал:

— Кислых щей? Профессор кислых щей?

Алёнкина мама всплеснула руками. А профессор покраснел и закашлял. И они оба вышли из комнаты. И мне показалось, что они как-то не так вышли. Как будто даже выбежали. И ещё мне показалось, что я что-то не так сказал. Прямо не знаю.

А может быть, «кислых щей» — это всё-таки обидное, а?

Главные реки

Хотя мне уже идёт девятый год, я только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. У нас было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главные реки Америки. А я, вместо того чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос всё-таки не залетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и собрал все нитки, какие только были; у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей долетел до чердака и там завис, а до космоса ещё было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне было так интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там

уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор.

Я утром немножко заспался, и, когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарные, — у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я полета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что одеваться надо, как на пожар. И я оделся за одну минуту сорок восемь секунд весь, как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя и в класс тоже успел примчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки (ребят уже не было никого). Когда я увидел Раису Ивановну издали, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пяти шагов, обошёл Раису Ивановну и вскочил в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и, когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

— Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что забыл приготовить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить:

— Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске.

Раиса Ивановна сказала:

— Стихи!

Чтобы я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я моментально подумал, что Раиса Ивановна тоже, может быть, забыла,

что задано, и не заметит, что я читаю. И я бодро завёл:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

— Это Пушкин, — сказала Раиса Ивановна.

— Да, — сказал я, — это Пушкин. Александр Сергеевич.

— А я что задала? — сказала она.

— Да! — сказал я.

— Что «да»? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблёв!

— Что? — сказал я.

— Что «что»? Я тебя спрашиваю: что я задала?

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

— Да что он, не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот что значит верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

— Слонов! Не смей подсказывать!

— Да! — сказал я. — Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли, не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красным и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

— Ну? — сказала она.

— Что? — сказал я.

— Перестань ежеминутно чтокать!

Я уже видел, что она сейчас рассердится как следует.

— Читай. Наизусть!

— Что? — сказал я.

— Стихи, конечно! — сказала она.

— Ага, понял. Стихи, значит, читать? — сказал я. — Это можно. — И громко начал: — Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта.

— Ну! — сказала Раиса Ивановна.

— Что? — сказал я.

— Читай сейчас же! — закричала бедная Раиса Ивановна. — Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

— Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку ещё внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

— С ноготком!

И повторил всё вместе:

— Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись.

Раиса Ивановна сказала:

— Довольно, Кораблёв!.. Не старайся, не выйдет. Уж если не знаешь, не срамись. — Потом она добавила: — Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем читать и сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки. Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот змей, будь он неладен, совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всём признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг неожиданно даже для самого себя сказал:

— Конечно выучил. А как же!

— Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово. В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже наверняка я умру. До свидания, всё! И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту, и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и наконец прочёл первую половину.

А тут Раиса Ивановна снова:

— Ну, Кораблёв? Какая же главная река в Америке?

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

— Миси-писи.

Дальше я не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне вlepила будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах...

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:
— Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

— Бегом давай, Мишка!

И мы полетели как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

— Не торопись, теперь уже всё равно опоздали.

Я говорю:

— Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

— Надо её придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай придумаем поскорее!

Я говорю:

— Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

— У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

— Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас ещё и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

— Это как?

— Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребёнка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

— Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то ещё лучше сказать, как будто лёд на пруду проломился, и ребёнок этот — бух!.. В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

— Ну да, — говорю я, — правильно! Но пожар всё-таки лучше!

— Ну нет, — говорит Мишка, — именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним ещё немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе.

А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

— Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Всё равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

— Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня:

— Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

— «Птенцы пищат...»

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

«Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

— Можно войти, Раиса Ивановна?

— Ах, это ты, Дениска, — сказала Раиса Ивановна. — Что ж,ходи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошёл в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взгляделась в меня и прямо ахнула:

— Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я ещё ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, всё подряд, только чтобы время протянуть:

— Я, Раиса Иванна, не один... Вдвоём мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

— Что, что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить?

Вот я и говорю:

— Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко — Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

— Тише, — сказала она, — дайте разобраться! Кораблёв! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего брякнул:

— Там пожар был!

И сразу все утихли. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

— Где пожар?

А я:

— Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит — прямо клубами. А мы идём с Мишкой мимо этого... как его... мимо чёрного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припёр. Вот. А мы идём! А оттуда, значит, дым! И кто-то пищит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги — спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у неё были серьёзные и счастливые. Она сказала:

— Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

— Входи, — сказала она, — входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.

— Ещё как! — говорит Мишка. — Боялся, что вы заругаетесь.

— Ну, раз у тебя уважительная причина, — говорит Раиса Ивановна, — ты мог не волноваться. Всё-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чём мы с ним говорили.

— Ч-ч-человека? — говорит Мишка и даже заикается. — С...с...спасли? А кк...кк...кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас всё испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

— Ничего не подделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже всё рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже всё наврал и чтобы он не подвёл! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу — он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит:

— Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту как ни в чём не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут чёрт всё-таки дёрнул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

— А он вовсе не тяжёлый был. Кило десять — пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

— Кто? Кто не тяжёлый, кило десять — пятнадцать?

— Да мальчишка этот.

— Какой мальчишка?

— Да которого мы из-подо льда вытащили...

— Ты что-то путаешь, — говорит Раиса Ивановна, — ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнёт своё:

— Как — откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идём, слышим — кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги — и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделаться: Мишка врал, как по писаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьём:

— Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

— Только это был пожар! Мишка перепутал!

— Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

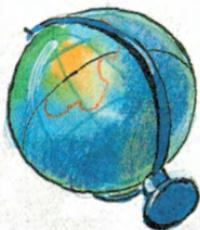
А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. Раиса Ивановна как хлопнет по столу! Все замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

— Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку: «Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ: «Ну конечно! Или говорить правду, или лучше сговариваться».

Похититель собак

Ещё вот такая была история. Когда я жил у дяди Володи на даче, недалеко от нас жил Борис Климентьевич, худой такой дядька, весёлый, с палкой в руке и высокий, как забор.

У него была собачка под названием Чапка. Очень хорошая собачушка, чёрная, мохнатая, морда кирпичом, хвостик торчком. И я с ней очень подружился.

Вот один раз Борис Климентьевич задумал идти купаться, а Чапку не захотел с собой брать. Потому что она уже один раз ходила с ним на пляж и из этого вышла скандальная история. В тот раз Чапка полезла в воду, а в воде плавала одна тётенька. Она плавала на автомобильной камере, чтоб не утонуть. И она сразу закричала на Чапку:

— Пошла вон! Вот ещё! Не хватало собачью заразу напускать! — И стала брызгать на Чапку. — Вон пошла, вон!

Чапке это не понравилось, и она прямо на плаву хотела эту тётку цапнуть, но до

неё не достала, а камеру всё-таки ухватила своими остренькими зубками. Один только разик куснула, и камера зашипела и выдохлась. А тётя стала думать, что она тонет, и она завизжала:

— Тону, спасите!

Весь пляж страшно перепугался. И Борис Климентьевич кинулся её спасать. Там, где эта тётя барахталась, ему река была по колено, а тёте по плечи. Он её спас, а Чапку постегал прутиком — для виду, конечно. И с тех пор перестал её брать на реку.

И вот теперь он попросил меня погулять во дворе с Чапкой, чтобы она не увязалась за ним. И я вошёл во двор, и мы стали с Чапкой носиться и кувыркаться, прыгать и колбаситься, подскакивать, и вертеться, и лаять, визжать, и смеяться, и валяться. А Борис Климентьевич спокойно ушёл. И мы с Чапкой вдоволь наигрались, а в это время мимо забора шёл Ванька Дыхов с удочкой.

Он говорит:

— Дениска, пойдём рыбу ловить!

Я говорю:

— Не могу, я Чапку стерегу.

Он говорит:

— Посади Чапку в дом. Захвати свой бредень и догоняй.

И пошёл дальше. А я взял Чапку за ошейник и тихонечко поволок по траве. Она легла, лапки кверху и поехала, как на са-

лазках. Я открыл дверь, втащил её в коридор, дверь прикрыл и пошёл за бреднем. Когда я опять вышел на дорогу, Ваньки уже не было. Он скрылся за углом. Я полетел его догонять и вдруг возле продовольственной палатки вижу: на самой середине дороги сидит моя Чапка, язык высунула и смотрит на меня как ни в чём не бывало... Вот так да! Это значит, я дверь плохо прикрыл, или она ещё как-то исхитрилась и, наверное, пробежала дворами, а теперь сидит встречает! Умна! Но ведь мне надо спешить. Там Ванька уже, наверное, рыбу таскает, а я тут с ней возись. Главное, я бы взял её с собой, но Борис Климентьевич может вернуться, и, если он её не застанет дома, он разволнуется, бросится искать, и потом меня будут ругать... Нет, так дело не пойдёт! Придётся её обратно волочить.

Я схватил её за ошейник и потащил домой. На этот раз Чапка упиралась в землю всеми четырьмя лапами. Она волоклась за мной на своём животе, как лягушка. Я её еле доволок до дверей. Открыл узенькую щёлку, впихнул и дверь захлопнул крепко-накрепко. Она там зарычала и залаяла, но я не стал её утешать. Я обошёл весь дом, закрыл все окна и калитку тоже. И хотя я очень устал от возни с Чапкой, я всё-таки припустился бежать к реке. Я довольно быстро бежал, и когда я уже

поравнялся с трансформаторной будкой, из-за неё выскочила... опять Чапка! Я даже оторопел. Я просто не верил своим глазам. Я подумал, что она мне снится... Но тут Чапка стала делать вид, что вот она меня сейчас укусит за то, что я её оставил дома. Рычит и лает на меня! Ну, погоди же, я тебе покажу! И я стал хватать её за ошейник, но она не давалась, она увёртывалась, хрипела, отступала, отскакивала и всё время лаяла. Тогда я стал приманивать:

— Чапочка, Чапочка, тю-тю-тю, лохмушенька, на-на-на!

Но она продолжала издеваться и не давала себя поймать. Главное, мне мешал мой бредень, у меня была не та ловкость. И мы так долго скакали вокруг будки.

И вдруг я вспомнил, что недавно видел в телевизоре картину «Тропою джунглей». Там показано, как охотники ловят обезьян сетями. Я сразу сообразил, взял свой бредень, как сачок, и хлоп! Накрыл Чапку, как обезьянку. Она прямо взвыла от злости, но я быстро закутал её как следует, перекинул бредень через плечо и, как настоящий охотник, потащил её домой через весь посёлок. Чапка висела у меня за спиной в сетке, как в гамаке, и только изредка подвывала. Но я уже не обращал на неё никакого внимания, а просто взял её и вытряхнул в окошко и припёр его снаружи

палкой. Она сразу там залаяла и зарычала на разные голоса, а я уже в третий раз побежал за Ванькой. Это я так рассказываю быстро, а на самом деле времени прошло очень много. И вот у самой реки я встретил Ваньку. Он шёл весёлый, а в руке у него была травинка, а на травинке нанизаны две улейки, большие, с чайную ложку каждая. Я говорю:

— Ого! А у тебя, я вижу, здорово клевало!

Ванька говорит:

— Да, просто не успевал вытаскивать. Давай отнесём эту рыбу моей маме на уху, а после обеда снова пойдём. Может, и ты что-нибудь поймаеть.

И так за разговором мы незаметно дошли до дома Бориса Климентьевича. А около его дома стояла небольшая толпа. Там был дядька в полосатых штанах, с животом, как подушка, и ещё там была тётенька, тоже в штанах и с голой спиной. Был ещё мальчишка в очках и ещё кто-то. Они все размахивали руками и что-то кричали. А потом мальчишка в очках увидел меня да как закричит:

— Вот он, вот он сам, собственной персоной!

Тут все обернулись на нас, и дядька в полосатых штанах завопил:

— Какой? С рыбой или маленький?!

Мальчишка в очках кричит:

— Маленький! Хватайте его! Это он!

И они все кинулись ко мне. Я немножко испугался и быстро отбежал от них, бросил бредень и влез на забор. Это был высокий забор: меня нипочём снизу не достать.

Тётенька с голой спиной подбежала к забору и стала кричать нечеловеческим голосом:

— Отдай сейчас же Бобку! Куда ты его девал, негодник?

А дядька уткнулся животом в забор, кулаками стучит:

— А где моя Люська? Ты куда её увёл? Признавайся!

Я говорю:

— Отойдите от забора. Я никакого Бобку не знаю и Люську тоже. Я даже с ними не знаком! Ванька, скажи им!

Ванька кричит:

— Что вы напали на ребёнка? Я вот сейчас как сбегая за мамой, тогда узнаете!

Я кричу:

— Ты беги поскорее, Ванька, а то они меня растерзают!

Ванька кричит:

— Держись, не слезай с забора! — И побежал.

А дядька говорит:

— Это соучастник, не иначе. Их тут целая шайка! Эй, ты, на заборе, отвечай сейчас же, где Люся?

Я говорю:

— Следите сами за своей доченькой!

— Ах, ты ещё острить? Слезай сию минуту, и пойдём в прокуратуру.

Я говорю:

— Ни за что не слезу!

Тогда мальчишка в очках говорит:

— Сейчас я его достану!

И давай карабкаться на забор. Но не умеет. Потому что не знает, где гвоздь, где что, чтобы уцепиться. А я на этот забор сто раз лазил. Да ещё я этого мальчишку пяткой отпихиваю. И он, слава богу, срывается.

— Стой, Павля, — говорит дядька, — давай я тебя подсажу!

И этот Павля стал карабкаться на этого дядьку. И я опять испугался, потому что Павля был здоровый парень, наверное, учился уже в третьем или в четвёртом классе. И я подумал, что мне пришёл конец, но тут я вижу, бежит Борис Климентьевич, а из переулка Ванькина мама и Ванька. Они кричат:

— Стойте! В чём дело?

А дядька орёт:

— Ни в чём не дело! Просто этот мальчишка ворует собак! Он у меня собаку украл, Люсю.

И тётенька в штанах добавляет:

— И у меня украл, Бобку!

Ванькина мама говорит:

— Ни за что не поверю, хоть режьте.

А мальчишка в очках вмешивается:

— Я сам видел. Он нёс нашу собаку в сетке, за плечами! Я сидел на чердаке и видел!

Я говорю:

— Не стыдно врать? Чапку я нёс. Она из дому удрала!

Борис Климентьевич говорит:

— Это довольно положительный мальчик. С чего бы ему вдруг вступить на стезю преступлений и начать воровать собак? Пойдёмте в дом, разберёмся! Иди, Денис, сюда!

Он подошёл к забору, и я прямо перешёл к нему на плечи, потому что он был очень высокий, я уже говорил.

Тут все пошли во двор. Дядька фыркал, тётенька в штанах ломала пальцы, очкастый Павля шёл за ними, а я катился на Борисе Климентьевиче. Мы взошли на крыльцо, Борис Климентьевич открыл дверь, и вдруг оттуда выскочили три собаки! Три Чапки! Совершенно одинаковые! Я подумал, что это у меня в глазах троеится.

Дядька кричит:

— Люсечка!

И одна Чапка кинулась и вскочила ему прямо на живот!

А тётенька в брюках и Павля вопят:

— Бобик! Бобка!

И рвут второго Чапку пополам: она за передние ноги тянет к себе, а он за задние — к себе! И только третья собака стоит возле нас и вертикалом хвостит. То есть хвостиком вертит.

Борис Климентьевич говорит:

— Вот ты с какой стороны раскрылся? Я этого не ожидал. Ты зачем напихал полный дом чужих собак?

Я сказал:

— Я думал, что они Чапки! Ведь как похожи! Одно лицо. Прямо вылитые собачьи близнецы.

И я всё рассказал по порядку. Тут все стали хохотать, а когда успокоились, Борис Климентьевич сказал:

— Конечно, неудивительно, что ты обознался. Скотчтерьеры очень похожи друг на друга, настолько, что трудно бывает различить. Вот и сегодня, по совести говоря, не мы, люди, узнали своих собак, а собаки узнали нас. Так что ты ни в чём не виноват. Но всё равно знай, что с этих пор я буду называть тебя Похититель собак.

...И правда, он так меня называет...

СОДЕРЖАНИЕ

Твой друг Дениска. <i>М. Мельниченко</i>	3
«Он живой и светится...»	5
Надо иметь чувство юмора	10
Слава Ивана Козловского	16
Кот в сапогах	22
Сражение у Чистой речки	30
Друг детства	37
Заколдованная буква	43
Мотогонки по отвесной стене	46
Третье место в стиле баттерфляй	55
Англичанин Павля	59
Двадцать лет под кроватью	64
Расскажите мне про Сингапур	75
Тайное становится явным	87
Профессор кислых щей	93
Главные реки	99
Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах...	106
Похититель собак	117

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Серия «Внеклассное чтение»

Драгунский Виктор Юзefович
ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ

Художник А. Халилова

Предисловие М. Мельниченко

Ответственный редактор М. А. Мельниченко
Художественный редактор М. В. Панкова. Технический редактор Е. С. Тищенко
Корректор Л. А. Лазарева. Верстка С. А. Птичиной

Подписано в печать 16.12.19. Формат 84×108 1/32.
Бумага Classic. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. ID 26982.
Доп. тираж 15 000 экз. Заказ № 1917350.

ООО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2.

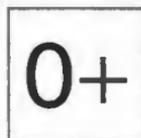
Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 117465, г. Москва,
ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

EAC

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: январь 2020 г.
Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком O+

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
Supply Chain Solutions 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Әдеби-көркем басылым
Кіші мектеп жасындағы балаларға арналған
Өндірілген күні: қаңтар 2020.

Ресейде басылған.

Өндіруші: «РОСМЭН» ЖШҚ, Ресей, 117465, Мәскеу, Генерал Тюленев көшесі, 29-үй, 1-корпус.
Наразылықтарды қабилдауға уәкілетті тұлға: «РОСМЭН» ЖШҚ.

Пошталық мекен-жайы: Ресей, 127018, Мәскеу, Октябрьская көшесі, 4-үй, 2-корпус.

Телефон: +7 (495) 933-71-30.

www.rosman.ru

Заңды мекен-жайы: Ресей, 117465, Мәскеу, Генерал Тюленев көшесі, 29-үй, 1-корпус.

Тауар сертификатталған. КО ТР 007/2011 сәйкес келеді.

Драгунский В. Ю.

Д72 Денискины рассказы / В. Ю. Драгунский ; Худож. А. Халилова. — М. : РОСМЭН, 2020. — 128 с. : ил. — (Внеклассное чтение).

В сборник вошли самые известные истории о Дениске Кораблеве, веселом и добром мальчике, который все время попадает в какие-нибудь переделки.

ISBN 978-5-353-07206-5

УДК 821.161.1-32-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Драгунский В. Ю.,
наследники, текст, 2015

© Состав, макет, иллюстрации.

ООО «РОСМЭН», 2016

ВНЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

В серии вы найдёте
художественные произведения
из списка литературы, рекомендованной
для внеклассного чтения в начальной
и средней школе.

В книгу вошли самые известные рассказы
В. Ю. Драгунского о неунывающем мальчишке
Дениске Кораблёве:

Друг детства

«Он живой и светится...»

Тайное становится явным

Заколдованная буква

Англичанин Павля

Мотогонки по отвесной стене

Кот в сапогах

Третье место в стиле баттерфляй

и многие другие.

Росст. Внекл.чт.
рассказы/Драгун

ISBN 978-5-353-07206-5

9 785353 072065

